

ПОЗИЦИЯ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ И ИХ ДИСКУРСИВНЫЕ СВОЙСТВА В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ¹

Функции причастных оборотов в средневековом восточнославянском нарративе

В данной статье речь пойдет о позиции относительно главного предложения (личного глагола) причастных оборотов с действительными причастиями наст. и прош. времени в восточнославянских нарративных текстах XI—XVII вв. Я предполагаю показать, что обороты с причастиями наст. времени тяготеют к постпозиции, а обороты с причастиями прош. времени — к препозиции. Это различие, прослеживающееся на протяжении веков, связано с нарративными стратегиями летописцев и определяется, как мне представляется, разными дискурсивными свойствами причастных оборотов с причастиями наст. и прош. времени. Вместе с тем эти свойства характерны для нарратива и не характерны (или в существенно меньшей степени характерны) для ненарративных текстов: если причастия прош. времени до какой-то степени тяготеют к препозиции и в ненарративных текстах, соотношенность причастий наст. времени с постпозицией характерна исключительно для нарратива. Тем самым обсуждаемая корреляция формы причастного оборота и его позиции оказывается признаком определенного типа текстов, другими словами, является чертой, дифференцирующей разные регистры письменного языка.

В восточнославянских текстах краткие действительные причастия едва ли не с самого начала являются, по существу, согласуемыми деепричастиями (см.: [Зализняк 2004: 134, 181]); закономерным следствием их функциональных свойств оказывается и постепенная утрата согласования, приводящая в конечном счете к их превращению в деепричастия современных восточнославянских языков (см.: [Там же: 184—185; Потебня, I—II: 186—187; Борковский, Кузнецов 1965: 318]). При трансформации причастий в деепричастия, по словам Д. Ворга, «the syntactic domain of secondary predication was expanding from the noun phrase to whole clauses

¹ Автор глубоко признателен А. В. Зубковой, С. Тернер, А. Тимберлейку и Б. А. Успенскому, прочитавшим эту работу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний. Особая благодарность П. В. Петрухину и А. А. Пичхадзе, любезно поделившимся с автором своими базами данных по памятникам древней восточнославянской письменности.

of sentences» [Ворт 1994: 32]. Синтаксическое функционирование кратких действительных причастий обуславливает их понимание как «второстепенного сказуемого», характерное для традиции русских исторических грамматик (ср.: [Истрина 1923: 73—81; Борковский 1949: 205—217; Борковский, Кузнецов 1965: 378—386; Лопатина 1978]), оно подчеркивает относительную автономию предикативных единиц с краткими причастиями. Эта автономия выражается, в частности, в том, что причастные обороты могут присоединяться к главному предложению с помощью сочинительных союзов².

Как пишет А. А. Зализняк, действительные причастия «функционируют в др.-р. языке как сказуемые отдельных первичных предложений, представляющих собой, с синхронической точки зрения др.-р. периода, частный случай придаточных предложений. Сам факт использования в качестве сказуемого не личной формы, а причастия является грамматическим средством для выражения подчиненного статуса соответствующего предложения» [Зализняк 2004: 181—182; ср.: Лопатина 1978: 103—104]. Хотя в разных текстах степень субординированности может быть различной, в обычном случае между личным глаголом и причастным оборотом устанавливаются вполне стандартные смысловые отношения. Как пишет (несколько слишком прямолинейно) Р. Вечерка относительно причастного синтаксиса старославянских памятников, «Zusammenfassend kann man sagen, daß die *nt-* und *us-*Partizipien in Transgressivfunktion/-bedeutung im Aksl. als “zweitrangige Prädikate” verwendet werden, in dem Sinne, daß diese Konstruktionen eine begleitende, weniger wichtige Handlung/ einen weniger wichtigen Zustand zu dem durch das Prädikat ihres Nachbarsatzes zum Ausdruck gebrachten Sachverhalt bzw. seine “Kulissen” aussagen. Die *nt-*Partizipien, die die Gleichzeitigkeit mit der Handlung/ dem Zustand des finites Verbs ausdrücken, haben dabei die Bedeutung nicht näher spezifizierter “begleitender Umstände” (im Sinne von “so/ auf diese Weise, daß [dabei]”), während die Bedeutung der *us-*Partizipien, durch die die Vorzeitigkeit gegenüber der zeitlichen Einordnung des Hauptprädikats zum Ausdruck kommt, überwiegend der Bedeutung der adverbialen Nebensätze der Zeitbestimmung nahe steht (im Sinne von “als, wenn”» ([Вечерка, III: 213]). Это верно и для древних восточнославянских книжных текстов или, по крайней мере, тех из них, которые имеют повествовательный характер³.

Летописный нарратив (и не отличающийся от него в этом плане нарратив агиографический) в отношении к временной последовательности по большей части иконичен. Это означает, что причастия прош. времени, в большинстве случаев указывающие на предшествование, употребляются преимущественно в препозиции к лич-

² Р. Вечерка отмечает: «Immerhin ist es fast schon eine opinio communis der neuen slavischen Sprachwissenschaft, daß *i*, *ti*, *a* usw. zwischen Partizip und finitem Verb ein Zeichen für die größere syntaktische Autonomie der Partizipialkonstruktionen in Transgressivfunktion/-bedeutung in Aksl. (und in älteren slav. Sprachen überhaupt) sind» [Вечерка, III: 208].

³ Тексты старославянского канона, на которых основывается исследование Вечерки, по большей части представляют собой нарратив — за исключением Синайского Евхология и Синайской Псалтыри.

ному глаголу (к главному предложению). Типичный пример такого употребления из Повести временных лет (далее: ПВЛ): «слышавше же Половцѣ. смерть Стополчю. и съвокупившеса и придоша къ Выры . Володимеръ же совокупивъ сны свои и сыновцѣ . иде къ Выру» [ПСРЛ, II: Стб. 276]; последовательность событий ясна: половцы узнали о смерти Святополка, собрались в поход и пришли к Выру; в ответ Владимир собрал свои силы и также отправился к Выру, после этого половцы бежали. Излагая эту последовательность событий, летописец одни из них передает с помощью причастий, другие — с помощью личных форм; критерии выбора не поддаются простому и однозначному определению (см.: [Сахарова, 2010]), хотя несомненно, что в обычном случае личные формы обеспечивают фокусирование, а причастные обороты — субординирование, или, иными словами, одни события размещаются на авансцене, а другие в кулисах (например, в разбираемом пассаже летописец направляет внимание на то, что обе стороны отправились к Выру, после чего половцы бежали; другие события рассматриваются как подготовительные, что и обуславливает субординацию соответствующих предикатов). Как бы то ни было, вся цепочка оказывается связанной в один период, и причастная трансформация является одним из инструментов обеспечения этой связи. На саму последовательность событий причастная трансформация в данном случае не влияет.

Причастия наст. времени, напротив, по большей части употребляются в контексте одновременности. Вообще говоря, из этого следует, что в плане иконичности причастия наст. времени с равным успехом могут быть употреблены и до, и после личного глагола (и в ряде ненарративных текстов никакой привязки причастий наст. времени к позиции не наблюдается — см. ниже). Здесь, однако, существен другой момент: цель причастной трансформации обычно состоит в субординировании обозначенного причастием события; субординирование указывает на его второстепенность, или фоновость, или подчиненность (как поясняющего или каузирующего обстоятельства). Нарративная стратегия летописи состоит, по-видимому, в том, чтобы сначала обеспечить повествовательное движение, обозначить следующий событийный шаг, а затем сопроводить этот шаг сопутствующими подробностями или пояснениями. В силу этого причастия наст. времени преимущественно помещаются в постпозиции к личному глаголу (главному предложению). Так, например, в рассказе о поражении Святополка в сражении с Василько под 1097 г.: «и преступи Стополкъ . надѣяса на множество вои . и съсѣступишаса на поли» [ПСРЛ, II: Стб. 244]; причастный оборот поясняет причину действий Святополка после того, как действие уже обозначено, и это пояснение прерывает цепочку событий, что и служит основанием для субординирования соответствующего предиката.

Описывая употребление причастий в одном из фрагментов ПВЛ, А. Тимберлейк утверждает, что причастия употребляются «(a) At the beginning of a clause before subject and verb, to announce one autonomous event preceding and conditioning another action ⟨...⟩; (b) after the subject before the verb, to announce a pair of actions, where the participial action is a precondition for the second ⟨...⟩; and (c) in

position after the verb, the participle is used: to express the manner of the finite verb (...); to motivate the finite verb after the fact (...) or to introduce speech (...). Loosely stated, participles positioned before the main predicate report events that are preconditions for the main predicate, while participles positioned after the main predicate are synecdochic to the larger predication» [Тимберлейк 2008: 217]. Я не различаю случаи (а) и (b), поскольку они дифференцированы не семантикой, а способом введения агенса, и предпочитаю говорить в не слишком определенных словах о предшествовании в случае препозитивных причастных конструкций, а не о предпосылках, поскольку семантика таких конструкций, как далее отмечает и Тимберлейк, достаточно размыта.

Соотношения формы причастия и его позиции могут, несомненно, рассматриваться как реализация естественных дискурсивных свойств предикативных единиц, однако в то же время они являются преемственной особенностью книжного языка, которую восточнославянские книжники получают в наследство от переводных церковнославянских текстов южнославянского происхождения. Анализируя старославянские памятники, Р. Ружичка отмечал: «In präpositiver Stellung wird das präteriale Partizip viel häufiger gebraucht als das präsentische; bei Postposition ist das Verhältnis nahezu umgekehrt» [Ружичка 1963: 84]. Ружичка указывает, что в старославянском этот порядок, во всяком случае преимущественное употребление в препозиции причастий прош. времени, соответствует греческому, и объясняет эту связь позиции и формы тем, что в случае причастий прош. времени «[d]er natürlichen Abfolge der Handlungen entspricht die Reihenfolge Partizip — Hauptverb» [Там же: 85].

Все обозначенные выше соотношения имеют не характер жестких правил (которые вообще мало пригодны для описания того, как говорящий или пишущий упаковывает информацию), а общих тенденций, вступающих во взаимодействие с другими факторами, иногда усиливающими эти тенденции, а иногда противоречащими им. В частности, причастия наст. времени не всегда указывают на одновременность, а причастия прош. времени на предшествование (в этом плане утверждения Вечерки как раз и оказываются упрощением). В летописях можно обнаружить не слишком редкие примеры, когда причастия наст. времени обозначают события, находящиеся в отношениях предшествования с событием, обозначенным личным глаголом. Ср., например, в ПВЛ по Ипатьевскому списку: «и прихода с Берестового . ѿпеваше часы . и молашеса ту Бѹ в таинѣ» (л. 58 об.; об Иларионе; ясно, что Иларион сперва приходил, а потом отпевал часы — [ПСРЛ, II: Стб. 144]); «Русь же видаше пламень въѣтахуса въ воду морскую» (л. 17 об.; сначала видели, потом бросались в воду — [Там же: Стб. 34]); «Ѡлга же поемши мало дружинѣ . и легко идуци . приде къ гробу его . и плакаса по мужи своемъ» (л. 22 об.; сначала Ольга шла, а потом пришла — [Там же: Стб. 45—46]); «Инь же шборота топоромь и оудари тыльемъ» (л. 65; Ян сначала повернул топор, а потом ударил им — [Там же: Стб. 165]). В ПВЛ приблизительно два десятка подобных примеров.

Реже встречаются случаи, когда причастие прош. времени употреблено в контексте одновременности, однако и они не исключены, см., например, в Киевской летописи под 1147 г. в рассказе о том, как черниговские князья преступили крестное целование князю Изяславу Мстиславичу и поцеловали крест Святославу Ольговичу; Изяслав послал к ним посла, чтобы вывести их на чистую воду, и посол прямо задал вопрос: «а есть ли то браѣа тако или не тако»; реакция черниговских князей описывается следующим образом: «ѡни же ничтоже могоша ѡвѣщати . толико съзрѣшаса . и долго молчавше» (л. 127; очевидно, что говорится о замешательстве князей, которым нечего было отвечать; замешательство выражалось в том, что они переглядывались и молчали; странно было бы думать, что сначала они долго молчали, а потом стали переглядываться — [ПСРЛ, II: Стб. 346])⁴.

Позиция причастного оборота относительно личного глагола в летописях

Еще менее обязательный характер имеет соотношение типа причастия с позицией относительно личного глагола. Избирательная взаимосвязь, однако же, просматривается вполне отчетливо. Закономерность, согласно которой причастные обороты с причастиями настоящего времени тяготеют к постпозиции, а причастные обороты с причастиями прошедшего времени тяготеют к препозиции, можно продемонстрировать на материале ПВЛ по Ипатьевскому списку, ср. здесь:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	69 // 6%	403 // 36%	472 // 42%
прош.	503 // 45%	147 // 13%	650 // 58%
всего	572 // 51%	550 // 49%	1122

Если взять отдельно причастия наст. времени, то оказывается, что 85 % из них употребляется в постпозиции, 15 % — в препозиции. Причастия прош. времени, напротив, в 77 % случаев стоят в препозиции, в 23 % — в постпозиции. Для идущей в Ипатьевском списке вслед за ПВЛ Киевской летописи мы рассматривали две выборки. Для начальной части Киевской летописи ([Там же: Стб. 286—370], 1120—1148 гг.) данные имеют следующий вид:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	42 // 10%	102 // 25%	144 // 36%
прош.	206 // 51%	54 // 14%	260 // 64%
всего	248 // 61%	156 // 39%	404

Конечная часть Киевской летописи ([Там же: Стб. 650—714], 1185—1199 гг.) характеризуется следующими статистическими параметрами:

⁴ Ср. еще ряд примеров в работе: [Кунавин 1985: 7—8].

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	44 // 11 %	135 // 32 %	179 // 44 %
прош.	196 // 48 %	36 // 9 %	232 // 56 %
всего	240 // 58 %	171 // 42 %	411

Как можно видеть, общие пропорции остаются в Киевской летописи теми же самыми, что и наблюдавшиеся нами в ПВЛ. Это, несомненно, связано с преемственностью в реализуемых нарративных стратегиях, с тем, что идентичными остаются принципы организации информации, а вместе с тем и отдельные трафареты, предполагающие употребление причастного оборота при определенных конкретных коммуникативных заданиях (о понятии трафарета см.: [Живов, Тимберлейк 1997; Тимберлейк 2002]).

Примером таких трафаретов может служить введение прямой речи с помощью причастного оборота (с причастиями от глаголов говорения), поставленного в постпозицию к главному предложению. Обычно в рамках данного трафарета появляются причастия настоящего времени от глаголов *глаголати* или *реци* (*речи*), ср. в ПВЛ: «си же вбъступиста градъ . и посласта к Володимерцеъмъ глѣща . вѣ не приидоховѣ на городъ вашъ . ни на васъ . но на вороги своѣа»; «и кликоша людѣе на Дѣда . рекуще . выдаи кого ти хотѣть . аще ли то предамыса» [ПСРЛ, II: Стб. 242]; причастия в этих случаях, как правило, обозначают не самостоятельное действие, а компонент действия, обозначенного основным глаголом (в действие посылки включены те слова, с которыми посылали послов), и работают как прием, вставляющий прямую речь.

Такие трафареты, безусловно, влияют на статистические параметры, хотя и не определяют их полностью. Так, например, в ПВЛ по Ипатьевскому списку рассматриваемый трафарет реализуется в 180 примерах, что составляет 16 % всех причастных оборотов. Сверх приведенного выше примера ср. еще: «Посла Шлегъ к Радимиче^а рка . кому дань дасте» [Там же: Стб. 17]; «послаша къ цѣрю Михаилу глѣще . земля наша крѣщена . и нѣ^б в на^с оучитель» [Там же: Стб. 18]; «Се слышавъ цѣрь посла по на . в Селунь къ Лвови глѣ . пошли к намъ сѣна своѣа» [Там же: Стб. 19]; в этих случаях акт говорения предполагается ситуацией, обозначенной глаголом *послати*, так что глаголы речи выделяют компонент из значения главного глагола для того, чтобы ввести прямую речь. Встречаются и причастные обороты, вводящие прямую речь и при этом семантически независимые от главного глагола, ср.: «но вбаче любаше Шлга сѣна своѣ^с Стослава ркущи . вола Бжѣиа да буде^т» [Там же: Стб. 52].

Этот же трафарет реализуется и в Киевской летописи, хотя, возможно, несколько менее интенсивно (это, однако же, может быть связано не с отношением к самому этому трафарету, а с частотой введения прямой речи персонажей). В первом из обследованных фрагментов Киевской летописи встретилось 40 реализаций разбираемого трафарета, что составляет чуть менее 10 % всех причастных оборотов, во втором фрагменте — 36 реализаций (несколько более 8 %). Приведу несколь-

ко примеров: «и посла по нихъ Всеволодь брата своего Стошю . река имь братья моа . возмите оу мене с любовию что вы даю» [ПСРЛ, II: Стб. 312]; «посла къ Двдвчема рка има . ѿстоупита вы ѿ братоу моею» [Там же]; «с тою же доумою . и ко Стославоу посла река емоу . се мы своа шроудья дѣвѣ . а Роускыа земля не вставивѣ тщеѣ» [Там же: Стб. 669]; «послаша ко Стославоу моужи своа . рекоуши емоу . ты брате к намъ крѣтъ целоваль . на Романовѣ радуо» [Там же: Стб. 670]. Появляются и причастные обороты с глаголами говорения, не являющимися семантическим компонентом главного глагола, см.: «видивше . же то Галичане . съчьноуша рекоуче . мы сде стоимы» [Там же: Стб. 315]; «се же вставѣ оужасенъ и трепетень . и поклониса . шбразоу Бѣию и крѣтоу чѣтномоу . гла Гѣи срѣдевидче . аще сѣсеси ма влѣко ты недостоинаго» [Там же: Стб. 651]. Усвоение подобных трафаретов может рассматриваться как один из важных моментов преемственности письменных навыков. Конечно, наличие такого трафарета не означает, что ситуация, для описания которой он предназначен, не может быть описана иным способом: трафареты производят обычное, а не обязательное. Так, например, в Киевской летописи мы находим: «Стославъ же прослезивъса ре^а пославъ къ Юргѣви . оу Соуждалъ . братама . Всеволода Бѣ поаль . а Игоря Изаславъ галь . а поиди в Роускою землю . Киевоу» [Там же: Стб. 329]; как можно видеть, знакомый нам трафарет здесь перевернут: глагол говорения стоит в личной форме, а *послати* выражено причастием (о данном трафарете в Новгородской первой летописи см.: [Сахарова 2010])⁵.

Встречаются и такие относительно редкие случаи, когда употреблено причастие не настоящего, а прошедшего времени, ср., например, в ПВЛ: «и пѣрвое начаша прѣрчѣствова^а ѿ воплощении Бѣи рек^а . изъ щрева преже днѣница рѣдихъ та» [л. 38б; Там же: Стб. 84]; «Иродъ же се слышавъ . посла рекъ избѣите младенца сущаа до дву лѣту» [л. 40а; Там же: Стб. 89]; в Киевской летописи: «и посла с нима сѣа своего Мьстислава . съ Переяславчи . и съ Берендѣи . рекъ имь идите . на нь» [Там же: Стб. 330]; «посла к нему послонъ свои рекъ емоу гнѣва ти ѿдаваю» [Там же: Стб. 688]. Поскольку причастие обозначает не самостоятельное действие, а компонент действия, обозначенного личным глаголом, отношения предшествования или одновременности оказываются здесь полностью не релевантными, так что выбор причастия прош. времени никак не влияет на смысл, однако в этом производном виде разбираемый трафарет оказывается в противоречии с установленной нами тенденцией размещения причастных оборотов⁶.

⁵ См. о вариантных чтениях в старославянских евангельских кодексах типа: (Мф. 13: 36) «и пристѣпнша къ нѣмоу оученици его глѣ ште» (Зогр., Мар.) — «пристѣпльше же оученици его . рѣша емоу» (Ассем.); (Мф. 19: 16) «юноша етеръ пристѣпи къ їсви мола и и гла» (Ассем., Сав.) — «и се етеръ пристѣпъ рече емоу» (Мар.) у Р. Вечерки: [Вечерка, III: 203].

⁶ В принципе можно было бы думать, что исходным трафаретом была конструкция, в которой выраженный причастием наст. времени глагол говорения является компонентом ситуации, обозначенной главным глаголом (типа *посла, глаголя*), а конструкция, где два предиката не находятся в столь тесной семантической связи, равно как и

Рассматриваемый трафарет продолжает реализовываться и в позднейших летописях, хотя и менее интенсивно. Это обусловлено, видимо, не столько размыванием данного письменного навыка, сколько существенно более ограниченным использованием прямой речи: там, где прямая речь появляется, появляется и рассматриваемый трафарет. В анализированном отрывке из Московского летописного свода (см. ниже) встречается 15 его реализаций (около 4 % причастных оборотов), в Летописце 1619—1691 гг. (см. ниже) 19 реализаций (около 5 % причастных оборотов).

Данный трафарет может рассматриваться как редкий пример дискурсивного приема, пересекающего границы регистров. С теми или иными морфологическими и лексическими модификациями он встречается и в берестяных грамотах (бытовой регистр), см.: «**оже оно поехало проце а река тако**» (№ 531, кон. XII — 1 пол. XIII в. — [Зализняк 2004, 416]); «**а еше мене зазва(ль) ---родъ а рка такъ**» (№ 697, 2 пол. XIV в. — [Там же: 576]). Сходные примеры есть и в пергаменных грамотах (деловой регистр), см.: «Се биша челомъ игумень Ивоня и всѣ старцѣ святаго Спаса и святаго Николы с Соловчевъ с моря акіаня, а ркуци такъ: обитель, господо, святаго Спаса и святаго Николы, наша пустынка, от миру удалѣла» ([Валк 1949, № 96: 152] 1459—1469 гг.; ср. еще грамоту № 340, 1483 г.; [Там же: 326]). Реализацию этого же трафарета находим и в Псковской судной грамоте: «а поидеть прочь, а ркучи такъ государю» (ст. 41; — [ПСГ: 10—11]). Его можно отметить и в «Слове о полку Игореве»: «Жены Рускія въсплакашас(я), а ркучи» [Зализняк 2008: 466]; ср. также в плаче Ярославны: «Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи» ([Там же: 472]; далее еще два повтора этой фразы). Многочисленные примеры использования этого трафарета в летописях, рассмотренные выше, могут интерпретироваться и как книжное переоформление трафарета, имеющегося в некнижном языке, и как конструкция, воспроизводящая аналогичное построение в церковнославянских текстах южнославянского происхождения: летописное употребление может быть результатом совмещения двух этих традиций⁷.

Следует, впрочем, отметить, что летописец располагал и трафаретами, нарушающими то оптимальное соотношение позиции и типа причастия, которое мы сейчас разбираем. Так, когда говорится о том, что нечто перестало существо-

конструкции, где глагол говорения выражен причастием прош. времени, представляют собой экстраполирующие реинтерпретации данного трафарета. Такое развитие кажется правдоподобным (поскольку производные модели реализуются существенно реже, чем основная), однако для проверки данной гипотезы мы не располагаем достаточным материалом (возможно, исследование древнейших славянских памятников неюжнославянского происхождения могло бы быть здесь полезным).

⁷ Ср. о данном типе постпозитивных причастий: [Потебня, I—II: 195—196]. В силу существования некнижных примеров не кажется убедительным мнение Б. В. Кунавина, полагавшего, что обороты с постпозитивным причастием *глаголя* и *рекъ*, вводящими прямую речь, появляются лишь «в сугубо книжных текстах» и представляют собой «заимствования из старославянского языка» [Кунавин 1985: 12].

вать, и сообщаются какие-то сведения об этом исчезнувшем объекте, то сведения эти обычно оформляются причастным оборотом с причастием прош. времени, стоящим в постпозиции к глаголу, обозначающему конец существования. Чаще всего этот трафарет применяется при сообщении о кончине какого-либо лица, ср. в ПВЛ по Ипатьевскому списку: «а самъ иде в гору . ископа печеру . ѿже естъ по¹ манастиремъ . в немже и сконча животь свои живъ въ добродѣтели . и не выхода ис печеры . лѣ^т . м̄ . николи же никамо же» [ПСРЛ, II: Стб. 146]; «с праведными вѣче почилъ еси . оусприемъ противу трудомъ своимъ² измѣздые . вѣдемъ наслѣдникъ бывъ послѣдовавъ оученью и³» [Там же: Стб. 205]; «и пришедшу же часу прѣстависа тихо і кротко . и приложиса ко вѣдемъ своимъ . княживъ лѣ^т . оу Киевѣ . еі . а в Переяславлѣ лѣ^т . а Черниговѣ лѣто» [Там же: Стб. 208]; «В се же лѣто престависа игуменьа Лазорева . манастира . ста житьемъ . мѣца сентябра . въ . д̄ . на десать днѣ . живши лѣтъ шестьдесать . в чернечествѣ . а ѿ роженъа деваносто лѣтъ и два» [Там же: Стб. 276]. Этот же трафарет находим и в Киевской летописи: «Престависа блговѣрныи кнзъ Мьстиславъ Володимеръ снъ оставивъ кнжение брату своему Ярополку ему же и дѣти свои съ Бмъ на руцъ предасть» [Там же: Стб. 294]; «того же лѣта престависа . сѣдъ Пльсковѣ . мѣца феврала въ . аі» [Там же: Стб. 300]; «Того же лѣ^т престависа кнзъ Всеволодъ . снъ Мьстиславль приемъ мнискыи вбразъ» [Там же: л. 683]; «Престависа блговѣрныи князь Смоленский Двдъ снъ Ростиславль . вноукъ же великаго княза . Мьстислава . приемъ мнискыи чинъ» [Там же: Стб. 702]. Та упаковка информации, которая задается этим трафаретом, не является, конечно, единственно возможной, однако она вполне естественна и объяснима: сначала говорится об основном событии, которое и ставится в фокус, а затем о той ретроспективе, которая этим событием создается⁸.

⁸ Этот трафарет постоянно используется и в позднейшем летописании, ср., например, в Летописце 1619—1691 гг.: «По неизреченным судьбам всех творца и зиждителя и бога нашего преселися в вечныя его царствия небеснаго обители божий церковный рачитель, благочестивый православный христианский монарх, великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, оставль отечества своего по себе скипетродержавство в наследие царскаго своего роду братьям своим государевым великим государем царем и великим князем» [ПСРЛ, XXXI: л. 702]. В Новгородской второй летописи: «В лѣто 6601. Престависа Веселод (sic!) апрѣль 13, княживъ в Києви 15 в лѣт» [ПСРЛ, XXX: л. 128]; «В лѣто 6633. Мѣсяца мая в 19 день престависа Володимѣр Монамах, княжив в Києви лѣт 13 а жив всѣх лѣто 73» [Там же: л. 128—128 об.]; «Престависа Михаило Изяславичъ, завомыи Святополкъ, апрѣль 16, княжив в Києви лѣт 21» ([Там же: л. 139 об.]; см. еще о его широком употреблении в Новгородской первой летописи: [Сахарова 2007: 106]).

Любопытную модификацию этого трафарета мы находим в Московском летописном своде в сообщениях о закладке церковей, когда эта закладка предполагала разбор старой церкви, стоявшей на месте будущей новой, см.: «Того же лѣта июля мѣсяца 11 заложы церкви камену Иоанна Златаустаго благовѣрныи и христоролюбивыи великии князь Иван, а прежебывшую деревяную разбрав» [ПСРЛ, XXV: л. 455 об.]; «а ту разобраную церковь деревяную повелѣ поставити во своемъ манастирѣ Покрова в садѣх,

Рассматривавшиеся выше свойства летописного узуса остаются стабильными в течение столетий, так что в Московском летописном своде конца XV в. мы находим, в его последней, относящейся к XV в. части, практически те же статистические соотношения, что и в летописях XI—XII вв. В ряде отношений употребление причастий в этом памятнике отличается от, скажем, ПВЛ. Например, причастия встречаются в нем неравномерно, в отдельных пассажах причастия почти не появляются, а в других с причастными оборотами сталкиваешься едва ли не в каждом втором предложении. Эта неравномерность соотносится с тематикой, хотя и непрямой и не поддающимся простым обобщениям образом⁹. Однако эти особенности узуса никак не влияют на рассматриваемые сейчас параметры: связь причастий наст. времени с постпозицией, а причастий прош. времени с препозицией просматривается и здесь, и при этом процентные соотношения очень напоминают те, которые мы наблюдали в Киевской летописи. В анализированном фрагменте, охватывающем 1465—1492 гг. [ПСРЛ, XXV: л. 390—472 об.], статистические характеристики выглядят следующим образом:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	37 // 10%	109 // 29%	146 // 39%
прош.	205 // 54%	26 // 7%	232 // 61%
всего	242 // 64%	135 // 36%	377

Конечно, конкретные параметры варьируют от летописи к летописи и от периода к периоду и могут быть связаны с различными особенностями риторических установок конкретного памятника. Так, например, редакторы и составители Степенной книги, памятника официальной историографии XVI в., конструировавшего сакрализованную историю московской монархии (ср.: [Ленхофф 2007]), обнаруживают пристрастие к истолкованию упоминаемых событий, указанию на их «духовный контекст» и т. п. Отсюда у них идет широкое использование причастий наст. времени, нередко появляющихся и в препозиции (поскольку комментирование оказывается не менее важным, чем повествовательное движение). Я имею

еже и бысть, первую малую разбравъ» [ПСРЛ, XXV: л. 456]; «Тое же весны мая в 6 князь великы Иван Васильевич всея Руси заложил церковь камену Благовещение пресвятыя богородица на своемъ дворѣ, разрушивъ пръвое основание» [Там же: л. 467 об.].

⁹ Так, например, в рассказе о свадьбе Ивана III с Софией (нач.: «Свадьба великого князя Ивана Васильевича»; конец: «И тако поидоша с Москвы на Литовскую землю и на Лятскою и по иным многим землям ко граду своему Великому Риму» — [ПСРЛ, XXV: л. 418 об.—420 об.]), состоящем из приблизительно 850 слов, встречается 16 причастных оборотов, т. е., округляя, один причастный оборот на каждые 53 слова. В рассказе о челобитье новгородцев во время разорения Новгорода (нач.: «Того же мѣсяца 5 в пяток прииде из Новагорода владыка Феофил»; конец: «И владыка и посадники и житии отвечали: “скажем то, господине, Новугороду”» — [Там же: л. 444 об.—448 об.]), представляющем собой своего рода протокол переговоров архиепископа и бояр с великим князем и состоящем из приблизительно 1475 слов, встречается 8 причастных оборотов, т. е., округляя, один причастный оборот на каждые 184 слова.

в виду примеры типа следующего: «По сихъ же Крымскій царевичъ Исламъ, съ нимъ же и иніи царевичи, похваляющеся, безвѣстно устремишася къ рекѣ Окѣ, хотящу всячески преити ея» [ПСРЛ, XXI: 2, 605]; *похваляющеся* содержит оценку слов и действий татарских царевичей с точки зрения летописца. Точно так же именно позиция нарратора выражена в причастном обороте в следующем предложении: «Литовскій же краль Жигимантъ, гордостію взимаяся, и начать лукавая умышляти» [Там же: 631]. Хотя данные факторы влияют на распределение причастий, тем не менее общие пропорции, судя по двум выборкам из двух последних степеней [Там же: 582—607, 628—653], сохраняются, ср.:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	87 // 28 %	125 // 40 %	212 // 68 %
прош.	76 // 25 %	21 // 7 %	97 // 32 %
всего	163 // 53 %	146 // 47 %	309

И здесь, как видно, причастия прош. времени преимущественно употребляютс­я в препозиции, а причастия наст. времени — в постпозиции¹⁰.

Схожие данные характеризуют Летописец 1619—1691 гг., памятник, написанный на довольно убогом книжном языке со множеством неудачных синтаксических построений, многочисленными нарушениями согласования в формах аориста, имперфекта и причастий. Причастному синтаксису этого текста свойственно употребление причастий как автономных предикатов (более 10 % всех причастных оборотов), немотивированное субординирование предикаций, усиление роли видовой корреляции, когда причастия наст. времени сов. вида (типа *увидя*) начинают все шире употребляться для обозначения предшествующего действия (т. е. в функции *увидев*) и, соответственно, начинают тяготеть к препозиции. Казалось бы, совокупность этих факторов должна была существенно повлиять на статистические параметры, однако

¹⁰ Рассматривая данные текстов XVI в., можно также привести материал Сказания о Мамаевом побоище, исследованный А. А. Алексеевым. Этот сравнительно небольшой текст возник в XV в., однако дошел до нас в рукописях XVI в. Алексеев, отмечая, что для причастий наст. времени характерна постпозиция, а для причастий прош. времени препозиция, приводит следующие данные (в пересчете, делающем их сходными с приведенными выше материалами):

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	8 // 5 %	69 // 47 %	77 // 52 %
прош.	63 // 43 %	8 // 5 %	71 // 48 %
всего	71 // 48 %	77 // 52 %	148

Для объяснения этого явления Алексеев апеллирует к грамматическому значению причастных форм: «Такая закономерность связана, видимо, с грамматическим значением этих форм: причастие настоящего времени характеризует действие в его процессе, причастие прошедшего времени характеризует действие по его результату» [Алексеев 1987: 192]. Как мне кажется, такое объяснение слишком абстрактно и не дает возможности понять, почему в разных текстах данные параметры реализуются по-разному.

основная нарративная стратегия, описанная выше, оказывается определяющей силой, так что знакомые нам пропорции доминируют и в этом тексте, см.:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	73 // 23 %	126 // 39 %	199 // 62 %
прош.	94 // 29 %	28 // 9 %	122 // 38 %
всего	167 // 52 %	154 // 48 %	321

В этой таблице из подсчета были исключены те случаи, когда неясно, стоит ли причастный оборот в препозиции или постпозиции к личной форме, поскольку оборот помещается между двух личных форм, а принципы субординирования неясны, т. е. неясно, от какой из окружающих предикативных единиц причастный оборот зависит (в более ранних летописях такие случаи появляются лишь в качестве редчайших исключений). Шесть таких случаев отмечается с причастиями наст. времени, ср.: «начаша строити гробы, состава в четырех дсках, железным, иныя же и древняным гвоздием укрепляше» [ПСРЛ, XXXI: л. 695]; неясно, уточняет ли автор с помощью причастного оборота, как делались гробы, или говорит о том, что, сделав гроб из четырех досок, эти доски скрепляли гвоздями; неясно даже, думал ли автор о таком выборе¹¹. В девятнадцати примерах неопределенность позиции характеризует причастия прош. времени, ср.: «Они же, окаяннии ⟨...⟩ дияволью волю творяше, не послушавше царскаго прошения, хождаше по царским чертогам с копиями» [Там же: л. 717]¹². Та или иная трактовка этих примеров принципиальным образом статистические соотношения не меняет.

¹¹ Ср. еще: «Стрелцы же всех полков приидоша болшим собранием, бегуши ко Кремлю граду ... и внидоша во град царский всеми враты» [ПСРЛ, XXXI: л. 712 об.—713]; хотя в этом примере употреблено причастие наст. времени, описывается, можно думать, последовательность действий: сначала стрельцы собрались, потом побежали к Кремлю, затем вошли во все ворота; причастный оборот с *бегуши* можно с равным успехом отнести и к предшествующей, и к последующей личной форме.

¹² Ср. еще: «яко дивии зверие сташа во всех полках стрелцы и салдаты вооружешся, аки противу неприятеля, врага и супостата единомысленно в своих слобода[х] круг царства в Земляном граде и стражи укрепивше крепкие, яко на рать изготовившешся, на битву с пушечным и с мелким огненным боем, с самопалы, с копии, з бердыши и со всем воинским оружием, окружившешся у съезжих изб деревянными походными служилыми городки, яко во осаде седши, и всякое оружие к бою наготове держажу, и пребыша тако многия дни» [ПСРЛ, XXXI: л. 709 об.—710]; хотя естественнее всего рассматривать выстроенные в цепочку причастные обороты как зависящие от предшествующего предиката (*сташа*) и означающие различные действия, составившие устройство обороны, нельзя полностью исключить и иную интерпретацию, при которой эти причастные обороты или часть из них стоят в препозиции к последующему предикату (*держажу*); последняя интерпретация кажется натянутой, поскольку никакой семантической субординации причастных предикатов в отношении к *держажу* не просматривается, однако такое лишенное смысла субординирование встречается в тексте и в других случаях.

Такая неопределенность структуры зависимостей несвойственна обычной для более ранних летописей нарративной стратегии, хотя ее можно рассматривать как предсказуемое следствие организации периода в средневековых восточнославянских текстах. Как уже говорилось, причастное оформление предикации не всегда отражает ее смысловую подчиненность предикации с личным глаголом. Важным для средневекового автора может быть не столько смысловое субординирование, сколько создание формального единства цепочки предикативных единиц. Для средневековых анналистических и агиографических повествований характерна такая стратегия, когда в единое целое соединяется вся последовательность предикативных единиц, имеющих дело с одним микросюжетом и одним набором действующих лиц (ср.: [Живов 2008: 6—7]). Единство появляющегося в результате «макропредложения» обеспечивается различными анафорическими связями, включая эллипсис, и формальными скрепами, включая причастную трансформацию.

В рамках этой формальной задачи смысловые отношения предикативных единиц могут лишаться первостепенного значения. В порождаемых таким образом сложных структурах в цепи развертывающихся событий один (или несколько) из элементов может передаваться причастным оборотом не в силу своего неполноценного статуса (принадлежности кулисам, если пользоваться метафорой Вечерки), а для превращения этой цепи в относительное синтаксическое единство (ср. об аналогичном употреблении дательного самостоятельного: [Ворт 1994: 44—45]). Ср., например, в ПВЛ о монашеском призвании преп. Антония Печерского: «и ѡнь же послушавъ его . постриже его . и нарче има ему Аньтонию и наказавъ его . и наоучивъ его чернѣцкому шбразу и ре^а ему . да иди шпать въ Русь» [ПСРЛ, II: стб. 144]; какие именно нюансы фокусирования потребовали превращения *наказавъ* и *наоучивъ* в причастия, неясно; «постриже его . нарекъ има ему Аньтонию и наказа его . наоучивъ его чернѣцкому шбразу» было бы никак не худшей фразой, трансформирующей в причастия компоненты названных действий (наречение имени часть пострижения; наставление включает обучение монашеской жизни); это, однако же, несущественно, поскольку синтаксическое целое возникает при обоих построениях. В этих условиях легко могут иногда появляться причастные обороты с амбивалентной (двусторонней) привязкой. В рамках этой нарративной стратегии и возникает потребность в многочисленных причастных оборотах — с причастием наст. времени преимущественно в постпозиции к личному глаголу, с причастием прош. времени преимущественно в препозиции к нему.

Позиция причастного оборота как элемент нарративной стратегии и характеристика типа текста

Установленное выше соотношение между формой причастия (наст. или прош. время) и его позицией относительно личного глагола является элементом нарративной стратегии средневековых восточнославянских текстов. Можно утверждать, что это именно стратегия нарратива; ей в первую очередь присуще иконическое

построение предикативных цепочек, соответствующих движению событий и обусловливающих преимущественное расположение причастий прош. времени в препозиции к личному глаголу. Для этой же стратегии характерно фокусирование на событиях, составляющих цепочку, и отодвигание на второй план (в кулисы) различных дополнительных к событию обстоятельств и соображений, выпадающих из цепочки, что приводит к преимущественному расположению причастий наст. времени в постпозиции. Эти соотношения характеризуют средневековый восточнославянский нарратив в целом, а не только летописи, и в то же время они не свойственны ненарративным текстам — как книжным, так и некнижным. Можно было бы даже предположить, что мы имеем здесь дело с еще одной чертой, противопоставляющей le plan de l'histoire и le plan du discours в терминологии Э. Бенвениста [Бенвенист 1966] или erzählte Welt и besprochene Welt в терминологии Г. Вайнриха [Вайнрих 1964]¹³.

На связь рассматриваемых черт причастного синтаксиса с нарративом (а не только с летописной традицией) указывают данные восточнославянской агиогра-

¹³ Было бы поспешным пытаться определить, насколько универсальны данные отношения. Какие-то аналогии существуют и в современном русском языке, однако без специального исследования трудно сказать, насколько далеко они идут. Так, скажем, предположение «Петя сидел на стульчике, болтая ножками» кажется более обычным (пригодным для большего числа контекстов), чем «Болтая ножками, Петя сидел на стульчике». Вместе с тем «Поднявшись, он произнес блестящую речь» звучит несколько лучше, чем «Он произнес блестящую речь, поднявшись». Как соотносится здесь лексическая семантика и причастный синтаксис, требует отдельного изучения. Возможно, некоторые весьма несовершенные данные можно извлечь из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), в котором, однако же, не просто разделить материал на нарративные и ненарративные тексты. Если считать, что традиционная художественная литература по большей части нарративна, то для нее (в корпусе текстов, написанных между 1750 и 1917 гг.) устанавливаются следующие статистические соотношения. Сочетания деепричастия и личного глагола в индикативе, между которыми стоит от нуля до трех слов, характеризуются следующими параметрами:

	перед личным глаголом	после личного глагола	всего
деепр. наст.	30113 // 28 %	57298 // 52 %	87411 // 80 %
деепр. прош.	19378 // 18 %	2110 // 2 %	21488 // 20 %
всего	49491 // 46 %	59408 // 54 %	1089099

Конечно, эти данные дают лишь очень приблизительное представление о статистике употребления деепричастий наст. и прош. времени в препозиции и в постпозиции к личному глаголу, поскольку в подсчеты включается масса «ненужных» примеров, однако и эти цифры не совсем не показательны. Хотя они не слишком похожи на те, которые мы приводили для средневековых текстов, они все же говорят о предпочтительной связи деепричастий прош. времени с препозицией, а причастий настоящего времени с постпозицией (во всем корпусе в целом, без вычленения художественной литературы, эти привязки не действуют).

фии. Эта письменная традиция заслуживает отдельного детального исследования, для которого нет места в рамках настоящей работы. Я располагаю лишь весьма фрагментарным материалом, однако и он указывает на вполне однозначную картину. Приведу, например, статистические данные, характеризующие Сказание и страсть и похвалу святому мученику Бориса и Глеба по списку Успенского сборника [Усп. сб., л. 8б]:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	18 // 14 %	27 // 21 %	45 // 35 %
прош.	73 // 58 %	9 // 7 %	82 // 65 %
всего	91 // 72 %	36 // 28 %	127

Эти статистические параметры сами по себе полностью согласуются с теми, которые мы наблюдали в летописных текстах; они ближайшим образом напоминают данные Московского летописного свода (см. выше). Более того, в анализируемом тексте обнаруживается ряд других элементов нарративной стратегии, находящихся в полном соответствии в языке летописей. Так, например, в Сказании встречаем передачу цепочки событий с помощью последовательности причастных оборотов, смысловая второстепенность которых в отношении к главному предложению неочевидна, ср.: «Стоплькъ потаи съмъртъ ѿца своего . и ночь проймавъ помость на берестовѣмъ и въ ковѣрь обьртѣвъше съвѣсивъше оужи на землю . везъше на саньхъ поставиша ѿ въ цркви стѣна ѿца» [Усп. сб., л. 9а—9б]; характерно в этом пассаже и изменение субъекта: от одного Святополка в начале пассажа (*потаи* и *проймавъ* в ед. ч.) к Святополку с сообщниками в конце пассажа (*обьртѣвъше*, *съвѣсивъше*, *везъше*, *поставиша* во мн. ч.); такое «расширение» субъекта нередко и в летописных текстах¹⁴. Аналогичным образом в этом агиографическом тексте реализуются те же трафареты, которые известны нам по летописной традиции, ср., например: «посла же къ борисуу гла» [Там же: л. 10б]; «и присла ярославъ къ глѣбоу река» [Там же: л. 13б]; «нъ ваю млтвы надѣюще са къ спсоу възъпиемъ глюще» [Там же: л. 17г]; «и абие оусъпе, предавъ дѣно свою въ роуцѣ ба жива» [Там же: л. 12в].

Несколько иные, но вполне вписывающиеся в ту же нарративную стратегию параметры находим в Житии преп. Сергия Радонежского, из которого мы анализировали два фрагмента по тексту, напечатанному в Библиотеке литературы Древней Руси [БЛДР, VI: 254—280, 322—350]¹⁵. Полученные данные имеют следующий вид:

¹⁴ Ср., например, в ПВЛ: «томъ же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай с Фомою Ратиборичемъ и пришедъ къ Дьрьсту и не въспѣвши ничто же воротишася» [ПСРЛ, II: Стб. 284]; ср. также: «Мьстиславъ же здумавъ с Новгородци . и послаша передъ собою (оу) сторожѣ Добрыну Рагуиловича» [Там же: Стб. 228]; «Мьстиславъ же перешедъ пещарь . с Новгородцѣ . и ступишася на Колачыцѣ» [Там же: Стб. 230]; «и высла имъ князь Болгарьскыи пити съ отравою и пивъ Аепа и прочии князи . вси помроша» [Там же: Стб. 285].

¹⁵ Хотя публикации в этом издании не всегда корректны в лингвистическом и текстологическом отношениях, а пунктуация, которой снабжены в них церковнославянские

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	40 // 14 %	114 // 39 %	154 // 53 %
прош.	132 // 44 %	8 // 3 %	140 // 47 %
всего	172 // 58 %	122 // 42 %	294

И здесь вполне отчетливо видно тяготение причастий наст. времени к постпозиции, а причастий прош. времени к препозиции. Отличительной особенностью данного текста является большая частота причастий наст. времени в сравнении с причастиями прош. времени. Такое соотношение отнюдь не беспрецедентно, если смотреть на летописную традицию; оно присуще, например, Степенной книге (см. выше); возможно, это сходство не случайно, а отражает склонность авторов к пояснениям и интерпретациям, ср. примеры типа следующего: «Разсудная же она глава, яко не любя славы, о сем негодоваше, глаголя» [БЛДР, VI: 348]; пояснение о нелюбви Сергия к славе сделано с позиции агиографа. Любопытна и крайняя редкость появления причастий прош. времени в постпозиции: ретроспективный ход явно не привлекает автора. Отмечу еще, что в одном из употреблений постпозитивного причастия прош. времени мы имеем дело с модификацией трафарета, вводящего прямую речь: «И благослови братию, рекъ к нимъ» [Там же: 322]. Данный трафарет хорошо представлен и в его обычном виде, ср.: «Прочая же вѣрныя оны жены приступльши к ней, начаша въпрашати ю, глаголюще» [Там же: 262]; «съ въздыханиемъ и съ слъзами моляшеся къ Богу, глаголя» [Там же: 264] и т. д. Случай подобного сходства как раз и позволяют говорить о том, что характер размещения причастных оборотов с причастиями наст. и прош. времени представляет собой элемент нарративной стратегии, общий для средневековых восточнославянских повествований вне зависимости от их конкретного жанра.

В то же время в ненарративных текстах характер размещения причастных оборотов отмеченными чертами не характеризуется. Понятно, что ненарративные тексты многообразны и каждая их разновидность требует отдельного обследования. Понятно и то, что в данной работе для такого анализа нет места. Поэтому я ограничусь лишь двумя примерами. Один из них представляет собой ненарративный книжный текст, другой — несколько ненарративных некнижных текстов. В качестве книжного ненарративного текста я рассмотрел Пчелу по списку XV в., опубликованному В. А. Семеновым [Семенов 1893]; я пользуюсь комментированным переизданием А. А. Пичхадзе и И. И. Макеевой [Пичхадзе, Макеева 2008]). В этом тексте употребление действительных причастий характеризуется следующими параметрами:

сочинения, побуждает думать, что публикаторы не владеют церковнославянской грамматикой и плохо понимают печатаемые ими тексты, с ними удобно иметь дело, поскольку они имеются в электронной форме (<http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070>), а их недостатки практически не сказываются на рассматриваемых статистических параметрах.

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	194 // 28 %	195 // 28 %	389 // 56 %
прош.	255 // 37 %	50 // 7 %	305 // 44 %
всего	449 // 65 %	245 // 35 %	694

Основное отличие этих параметров от тех, которые мы наблюдали в нарративных текстах, состоит в поведении причастий наст. времени: они с одинаковой частотой появляются и в постпозиции, и в препозиции к личному глаголу. Эта особенность вполне объяснима: поскольку нарративное движение отсутствует, никакой потребности в фокусировании на предикате, означающем основное действие, нет, как нет и различия между основным действием и пояснением к нему. У причастных оборотов с причастиями наст. времени в Пчеле иные функции, нежели у тех же оборотов в летописях и житиях; они нередко означают не столько дополнительное (сопровождающее) действие, сколько условие, при котором имеет место действие или состояние, обозначенное главным глаголом, ср., например: «**аще мѡжетъ чѣвкъ, шбидѡ инѣхъ, бѡ оугантисѡ**» [Пичхадзе, Макеева 2008: 164—165]; «**Мнози мнѡщесѡ дроузи быти, но не соутъ**» [Там же: 172]; «**Мѡга даръ дати, не медли, но скоро дан**» [Там же: 203]. Есть и другие синтаксические черты, противопоставляющие Пчелу рассматривавшимся выше нарративным текстам и показывающие, что мы имеем здесь дело с иной стратегией изложения¹⁶. Что же касается причастий прош. времени, то они и в ненарративных текстах тяготеют к препозиции, поскольку могут обозначать как временное, так и логическое предшествование (предпосылку).

Не менее показательны в интересующем нас отношении средневековые восточнославянские не книжные юридические и деловые тексты. Хотя причастные обороты в них достаточно редки (в среднем отличаясь по частоте от аналогичных оборотов в книжных текстах более, чем на порядок)¹⁷, за ними также стоит опреде-

¹⁶ Так, в Пчеле довольно многочисленны причастные обороты, у которых субъект в главном предложении отсутствует (безличные причастные обороты) или стоит в дат. падеже (причастные обороты с дативным субъектом), ср., например: «**Оуне ксть, по правоу сдѡвше, ѿ осѡуженаго поношеноу быти вес правды, нежели, неправо соудивше, кстьствомъ по правдѣ поношеноу быти**» [Пичхадзе, Макеева 2008: 163]; «**Не просто ксть славна житѡя при(н)скывати к собѣ, принскавше же вельми люто да коньца держати**» [Там же: 288]; «**Достойно намъ конецъ вещи преже смотривше тако начати ихъ творитѣ**» [Там же: 137]; «**Оуне ти ксть что добро исправивше завидимоу бытѣ, нежели съгрѣшивше и ѿ инѣхъ помилванѡя изискати**» [Там же: 445]. В нарративных текстах такие построения встречаются весьма редко (о дативном субъекте в старославянских памятниках см.: [Вечерка 1961: 111—115]).

¹⁷ Ср. об этом: [Борковский 1949: 206]. В. И. Борковский, однако, не прав, когда он полагает, что «в грамотах мы встречаем второстепенное сказуемое почти исключительно там, где имеет место повествование» ([Там же]; ср. повторение этого утверждения: [Борковский, Кузнецов 1965: 379]).

ленная стратегия изложения, и она существенно отличается от стратегии нарратива. Это сказывается на характере размещения причастных оборотов. Приведу данные, относящиеся к Русской Правде и корпусу грамот Великого Новгорода и Пскова (ГВНП — [Валк 1949]). Русская Правда:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	9 // 31%	3 // 10%	12 // 41%
прош.	10 // 35%	7 // 24%	17 // 59%
всего	19 // 66%	10 // 34%	29

Корпус ГВНП:

	препозиция	постпозиция	всего
наст.	18 // 32%	5 // 9%	23 // 41%
прош.	26 // 46%	7 // 13%	33 // 59%
всего	44 // 78%	12 // 22%	56

Как можно видеть, если причастия прош. времени тяготеют к препозиции, то причастия наст. времени отнюдь не обнаруживают противоположной тенденции, препозиция оказывается предпочтительной и для них. Надо полагать, это соответствует тому факту, что причастия в подобных текстах не вставлены ни в какую повествовательную цепочку, а обозначают в большинстве случаев обстоятельства или условия, в которых должно совершиться основное действие (обозначенное личным глаголом или инфинитивом). Чаще всего составитель таких документов стремится сначала указать на условия или обстоятельства, а потом сказать о том, что требуется сделать, ср.: «**Оже ли вынезъ мьчь, а не оутнеть, то гривноу коунъ**» (ст. 24 — [РП, I: 124]), «**А се оурочи городникоу: закладаюче городьна, кѣна взати, а кончавше ногата**» (ст. 96 — [Там же: 132]). Для этого в равной степени годятся причастия наст. и прош. времени (ср. формулировку условия в ст. 112 Пространной редакции Русской Правды «**оже слышавъ кто или знаа и вѣдаа**» [РП, I: 133], в которой причастия прош. и наст. времени выступают как однородные члены), причем и для тех и для других оказывается предпочтительной препозиция¹⁸.

Таким образом, для летописных текстов устанавливается закономерность, согласно которой причастные обороты с причастиями прош. времени тяготеют к препозиции относительно главного предложения, а причастные обороты с причастиями наст. времени тяготеют к постпозиции. Эту закономерность можно рассматри-

¹⁸ Для синтаксиса юридических кодексов и деловых документов характерны и причастные обороты с дативным субъектом, равно как и безличные причастные обороты, ср.: «**нъ кже далъ кмоу господинъ плоугъ и бороноу, ѿт него же ковоу кмлетъ, тъ то погоубивъши кмоу платити**» (ст. 57 — [РП, I: 130]); «А игумену и чернцемъ, живущи в монастыре святаго Юана Богослова, собинъ имъ не держати» [Валк 1949, № 280: 281]; «**Искавшѣ ли послоуха, и не налѣзоутъ**» (ст. 21 — [РП, I: 124]). Такие конструкции также могут рассматриваться как элементы ненарративной стратегии изложения.

вать как вполне объяснимый элемент нарративной стратегии летописцев. Сопоставление с другими книжными нарративными текстами показывает, что мы имеем здесь дело с общей стратегией средневекового восточнославянского нарратива. Об этом свидетельствует и тот факт, что ненарративные тексты (как книжные, так и некнижные) характеризуются иными статистическими параметрами.

В. М. Живов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва;
University of California Berkley, Беркли, США
zhiv@berkeley.edu

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1987 — Алексеев А. А. Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // *Russian Linguistics*. 11. 1987. P. 187—200.
- Бенвенист 1966 — *Benveniste É. Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1966.
- БЛДР, I—XX — Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. I—XX. СПб.: Наука, 1997—2008 (продолж. изд.).
- Борковский 1949 — *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение. Львов: Львовский ун-т им. Ив. Франко, 1949.
- Борковский, Кузнецов 1965 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1965.
- Валк 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Вайнрих 1964 — *Weinrich H.* Tempus; besprochene und erzählte Welt. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1964 (*Sprache und Literatur*, Bd. 16).
- Вечерка 1989—2002 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Bd. I—IV. Freiburg i Br.: U. W. Weiher, 1989—2002 (*Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*. Bd. 27, 34, 36—37).
- Вечерка 1961 — *Večerka R.* Syntax aktivních participií v staroslověnině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1961 [*Opera universitatis purkynianae. Facultas philosophica*, 75].
- Ворт 1994 — *Worth D. S.* The Dative Absolute in the «Primary Chronicle»: Some Observations // *Harvard Ukrainian Studies*. XVIII (1994). № 1/2. P. 29—46.
- Живов 2008 — *Живов В. М.* Референтная структура и порядок слов: Дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // *Рус. яз. в науч. освещении*. 2008. № 1 (15). С. 5—56.
- Живов, Тимберлейк 1997 — *Живов В., Тимберлейк А.* Расставаясь со структурализмом (Тезисы для дискуссии) // *Вопр. языкознания*. 1997. № 3. С. 3—14.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Истрина 1923 — *Истрина Е. С.* Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. Пг., 1923 [*Из Известий ОРЯС*. Т. XXIV и XXVI].

- Кунавин 1985 — *Кунавин Б. В.* Функциональные характеристики именных действительных причастий в древнерусском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Л.: Ленинградский ун-т, 1985.
- Ленхофф 2007 — *Ленхофф Г. Д.* Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Под ред. Н. Н. Покровского, Г. Д. Ленхофф. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 120—144.
- Лопатина 1978 — *Лопатина Л. Е.* Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1978. С. 102—118.
- Пичхадзе, Макеева 2008 — «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I—II / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Потебня, I—IV — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958; Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968; Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- ПСГ — Псковская судная грамота / Изд. Императорской Археографической комиссии. СПб., 1914.
- ПСРЛ I—XLIII — Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографическою комиссиею. Т. I—XLIII. СПб.; М., 1841—2007.
- РП, I—III — Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I—III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940—1963.
- Ружичка 1963 — *Růžička R.* Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. Berlin: Akademie Verlag, 1963 (Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, № 27).
- Сахарова 2007 — *Сахарова А. В.* К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 13 (1). С. 85—113.
- Сахарова 2010 — *Сахарова А. В.* К вопросу о дискурсивных функциях причастных конструкций в русской летописи // Russian Linguistics. 34. 2010. P. 87—111.
- Семенов 1893 — *Семенов В.* Древняя русская Пчела по пергаменному списку // ОРЯС. Т. XXXIV. СПб., 1893. № 4.
- Тимберлейк 2002 — *Тимберлейк А.* Significatio, Conventio, Imitatio et Inventio // Рус. яз в науч. освещении. 2002. № 2 (4). С. 57—74.
- Тимберлейк 2008 — *Timberlake A.* The Grammar of Oral Narrative in the *Povest' vremennykh let* // American Contributions to the 14th International Congress of Slavists. Ohrid, September 2008. Vol. 1: Linguistics / Ed. by Ch. Y. Bethin. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2008. P. 211—226.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М.: Наука, 1971.